

HISTORIA
ROSSICA

Stefan B. Kirmse

The Lawful Empire

LEGAL CHANGE AND
CULTURAL DIVERSITY
IN LATE TSARIST
RUSSIA

Cambridge
University
Press

2 0 1 9

Штефан Б. Кирмзе

Империя законности

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ
И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ
РОССИИ

Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 34(47+57)(091)«186/189»

ББК 67.3(2)52

К43

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Кирмзе, Ш. Б.

К43 Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России / Штефан Б. Кирмзе; пер. с англ. А. Ланге. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 432 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1981-4

В современной историографии правовые институты поздней Российской империи часто ассоциируются с произволом и коррупцией. Но верно ли это? Какой на самом деле была система, сформированная судебной реформой 1864 года? Как она способствовала сближению окраин государства с его центром и интеграции «других» в состав имперского общества? В поисках ответов на эти вопросы Штефан Б. Кирмзе исследует юридическую практику имперского строительства и ее влияние на права национальных меньшинств. Автор показывает, как правовая реформа изменила взаимодействие граждан с государством в 1860–1890-х годах на примере новых правовых институтов в Крыму и Казанской губернии — двух регионах, выделявшихся своим этническим и религиозным разнообразием. Представляя новую судебную систему как поле, на котором сталкивались интересы разных субъектов права (от юристов и чиновников до рядовых граждан), историк демонстрирует, как эти субъекты не только взаимодействовали между собой, но и оказывали влияние на государственную политику. Штефан Б. Кирмзе — старший научный сотрудник и координатор исследований в «Лейбниц-центре» изучения современного Востока (Берлин), старший преподаватель Берлинского университета им. Гумбольдта.

УДК 34(47+57)(091)«186/189»

ББК 67.3(2)52

В оформлении обложки использован фрагмент литографии У.Л. Уолтона по акварели Карло Боссоли «Керчь со стороны верхней дороги к Еникале», 1856 г. Из собрания Библиотеки ДеГольера при Южном методистском университете, Техас, США.

© Stefan B. Kirmse, 2019

This translation of *The Lawful Empire* by Stefan B. Kirmse is published by arrangement with Cambridge University Press.

© А. Ланге, пер. с английского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Введение	10
Новые суды для империи	14
Расширение прав меньшинств	27
Право, правовое отчуждение и империализм в Российской империи	33
Структура книги	50
Об источниках.	52
Глава I. Права меньшинств и правовая интеграция в Российской империи	60
Маркеры различий: социальный статус, религия и гражданство	60
Краткий обзор: управление культурным разнообразием, 1552–1917 годы	67
Принципы правовой реформы: равенство, законность и справедливость	86
Правовой плюрализм в Российской империи	95
Глава II. С окраины — в центр: Крым и Казань в середине XIX века	107
Накануне реформ: меняющиеся образы и судьбы	108
Управление татарами в Крыму и Казани	127
Расхождения в экономических и демографических траекториях: земельный вопрос, повинности и миграция	139
Глава III. Проведение правовых реформ: новые суды в Казани и Крыму	151
Нестабильность политического климата	151
Между переменами и преемственностью: возникновение юридических обществ и политизация публичной сферы	157
На нелегком пути к правовым переменам	164
«И я для господина прокурора трудился?» Губернаторы, местное общество и восприятие новых судов в Крыму и Казани	173
Первые трудности	183
Глава IV. Образы и практики в новых судах: воплощения монархии, скромности и культурного разнообразия	203
Закон как интерпретация: значение церемониала	203
Просвещение «темных» масс	206
Образы монархии и демонстрация имперской власти	211
«Обратимся же все мы к единому Господу с теплою молитвой»: ритуал и разнообразие в Крыму и Казани	221
Скромность и новые суды как реформированные пространства	229
Новые суды как мусульманские пространства	235

Глава V. В поисках справедливости:	
татары-мусульмане идут в суд	246
Преступление и поиск сторонней помощи	247
Имущественные и наследственные распри:	
гражданские иски среди татар-мусульман	275
Глава VI. Конфронтация с государством:	
крестьянское сопротивление в борьбе за землю и веру	287
«Тебе, старому черту, давно нужно издохнуть!»	
Ярость против землевладельцев и землемеров	295
Полицейское вмешательство: изменение характера	
правоприменения в сельской местности	307
Приобретение земли в Крыму: дело для судов	313
Крестьянское сопротивление	321
Глава VII. Борьба с беспорядками: преступление	
и наказание в «кризисные» 1878–1879 годы	332
Правление Скарятин и беспорядки 1878 года	337
Судебные процессы и правосудие в зале суда	350
Жалобы, ревизия, позор: падение Николая Скарятин	354
Заключение	367
Империя законности	373
Равенство и его пределы	380
Правовой плюрализм и важность взаимного приспособления	388
Источники и литература	394
Указатель имен	428

БЛАГОДАРНОСТИ

В русском переводе моей книги я не буду воспроизводить полный текст благодарностей, опубликованный в англоязычном издании «Империи законности». Вместо этого я хотел бы отметить ряд моментов, которые могут быть интересны русскоязычной аудитории. Более подробно об истории создания книги вы можете прочитать в ее первом издании.

Это исследование было бы невозможно без неизменной помощи сотрудников архивов в Крыму и Казани в период с апреля 2009 года по ноябрь 2013-го. Они помогли мне не только в поиске документов, но и в расшифровке рукописных текстов XIX века. Последнее было крайне важно: в то время как предписания и официальные отчеты, написанные от руки, не представляли для меня особой трудности, лаконичные распоряжения и неформальные ответы вышестоящих учреждений местным следователям, полиции и другим лицам, стоявшим на низшей ступени имперской иерархии, оказались настоящим испытанием даже для натренированного глаза. Я особенно благодарен Асе Зариповой из Симферополя и Лилии Хасаншиной из Казани за то, что им периодически приходилось подолгу разбирать со мной эти материалы, благодаря чему были услышаны голоса многих людей, которые иначе остались бы неучтенными. Я также благодарен Казанскому федеральному университету, особенно Искандеру Гилязову, Рамилю Хайрутдинову, Раилу Фахрутдинову, Диляре Усмановой и Светлане Тахтаровой за постоянную организационную поддержку, за то, что они пробудили и постоянно поддерживали мой интерес к татарской истории.

Ранние версии или части некоторых глав этой монографии были опубликованы в таких журналах, как *Slavic Review*, *Ab imperio*, *Acta Slavica Iaponica* и *Journal of Modern European History*, и многие замечания и предложения редакторов и рецензентов

этих журналов так или иначе повлияли на развитие моих идей и аргументов. Йорг Баберовски, Ханнес Грандиц и Майкл Ходарковский дали подробные и содержательные отзывы на раннюю версию моей монографии, представленную в Университет Гумбольдта в марте 2017 года в рамках моей хабилитации. Многие другие, в том числе Джейн Бербэнк, Татьяна Борисова, Билл Бауринг, Иэн Кэмпбелл, Франциска Дэвис, Норихиро Наганав и Масуми Исогай, ознакомились с отдельными разделами, вошедшими в эту книгу, и их проницательные комментарии и замечания были для меня бесценны. Более того, я в особенности обязан анонимным рецензентам, приглашенным издательством Кембриджского университета, чьи чрезвычайно подробные и неравнодушные комментарии привлекли мое внимание ко многим неточностям и упущениям. Оба рецензента оказали мне большую поддержку и дали конструктивные и полезные советы по заключительной редакции рукописи. Я учел подавляющее большинство их предложений, а в тех немногих случаях, когда я не последовал их советам, я сделал это после долгих размышлений и консультаций с другими коллегами.

Отзывы и рецензии на «Империю законности» были самыми обнадеживающими. Однако, чтобы учесть некоторые соображения, высказанные по поводу книги, я изменил ряд формулировок в русскоязычном тексте. В условиях мрачной реальности 2022 и 2023 годов и растущего международного антагонизма тем более важно напомнить себе о важности законности в позднеимперской России и тщательно ее исследовать.

Основная работа над этим проектом велась с начала 2010 по начало 2017 года, и ни один семилетний проект немислим без постоянной поддержки семьи и друзей. Хотя мне хочется думать, что во время реализации этого проекта я был более спокоен и терпелив, чем на протяжении большей части работы над моей первой монографией «Молодежь и глобализация в Центральной Азии», честно говоря, скорее всего, это не так. Длительные академические проекты отнимают все силы, и завершить их можно только в том случае, если окружающие готовы поддержать тебя на этом пути. Мне повезло, что все они меня очень поддерживали и выражали недовольство только в небольших и щадящих дозах, особенно когда я на несколько

месяцев пропадал в российских и украинских архивах. Мои родители оказывали мне неизменную поддержку, и я с гордостью и радостью посвящаю им этот перевод, равно как и оригинал книги. Мой друг детства Константин Кузнецов заслуживает благодарности не только за то, что пробудил мой интерес к России и изучению русского языка в раннем возрасте, но и за то, что я всегда с нетерпением ждал каждой поездки в Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, а также за время, проведенное с ним и его семьей в Великом Новгороде, спустя почти тридцать лет после нашей первой встречи. Хотелось бы, чтобы обстоятельства были иными и мы могли вместе отпраздновать публикацию этого перевода — в свое время мы это обязательно сделаем. Дружба сильнее всяких политических авантюр. Кроме того, Энди и ребята всегда находили нужные слова (жесты или звуки), когда требовалась поддержка, утешение или критика. Какой бы подход они ни выбрали, он обычно оказывался правильным.

В издательстве «Новое литературное обозрение» я благодарен бывшему редактору Александру Семенову за его первоначальную поддержку, а нынешнему редактору Игорю Мартынюку — за его постоянное содействие и стремление дать жизнь этому переводу. Наконец, и это самое главное, переводы — это не механическое переложение с одного языка на другой. Это издание не существовало бы без той магии, которую вложил в него Александр Ланге, придав написанному мною тексту совершенно новый голос и жизнь. Я в восхищении от звучания этого перевода, но нет необходимости говорить, что я несу полную ответственность за любые оставшиеся недочеты.

ВВЕДЕНИЕ

19 мая 1871 года, в 4 часа утра, татарский поселянин Куртпедин Менгли Амет оглу вошел в полицейский участок небольшого крымского городка Карасубазар весь в крови¹. Ранее той же ночью четверо молодых татар напали на приехавшего в город за покупками Куртпедина, ударили его ножом и ограбили. Куртпедин с трудом добрался до принадлежащей татарам кофейне, где остановился на ночь, а когда рана перестала кровоточить, отправился на поиски полиции.

Все началось в кабаке, где Куртпедин познакомился с четырьмя татарами и провел с ними несколько часов, распивая водку. Когда совершавший обход помощник пристава Тимофеев зашел в кабак и попросил посетителей закругляться, Куртпедин заплатил за всю компанию крупной купюрой, что привлекло внимание его собутыльников. Вместо того чтобы проводить поселянина домой, молодые люди завели Куртпедина в «глухой переулок», где и напали на него, ударив ножом в бок, а затем скрылись, прихватив его бумажник².

На следующее утро, узнав от Куртпедина о преступлении, Тимофеев вместе с пострадавшим отправился обыскивать местные кабаки, и к полудню все четверо грабителей были задержаны³. В тот же день городской врач был вызван в полицейский участок, где обследовал и жертву, и подозреваемых. В его заключении содержалось подробное описание ран Куртпедина и были зафиксированы многочисленные царапины, порезы

---

¹ ГААРК (Государственный архив в Автономной Республике Крым; нынешнее название — Государственный архив Республики Крым). Ф. 376. Оп. 6. Д. 36. Л. 3, 23. Если во многих регионах империи татарские сельские жители относились к категории *крестьян*, то в Крыму они в целом попадали в категорию *поселян*.

² Там же. Л. 3 об., 5 об.

³ Там же. Л. 23 об., 24.

и пятна крови на телах подозреваемых — следы недавней драки. Затем полиция передала дело прокурору при недавно созданном окружном суде в Симферополе, столице Крыма; прокурор решил предъявить четверым татарам обвинение в разбое.

Четыре месяца спустя дело было передано на рассмотрение присяжным. Кандидат на судебные должности Мениров был предложен судом в качестве переводчика с русского на крымскотатарский на время процесса. Все стороны одобрили это предложение¹. Это была стандартная процедура в многоязычных судах Российской империи. Весь открытый судебный процесс, включая перекрестный допрос, прение сторон и удаление присяжных в совещательную комнату, занял около пяти часов. В то время как коллегия присяжных, состоявшая из мещан, чиновников, купцов и крестьян Симферополя и Симферопольского уезда, отвергла обвинение прокурора в том, что подсудимые покушались на жизнь Куртпедина, заседатели признали их виновными в умышленном разбое. В итоге по решению суда молодые люди получили от шести до восьми лет каторжной работы в крепости.

Эта книга представляет собой исследование изменений в отношениях между государством и обществом в контексте судебной системы Российской империи после Великих реформ 1860-х годов. В ней рассматривается влияние правовых реформ и практик на взаимодействие обычных людей и государственных институтов с середины 1860-х до середины 1890-х годов. Вместе с тем обсуждение правовых изменений в Российской империи связано с анализом государственной политики управления территориальным и культурным разнообразием. Оценка положения, которое в прошлом периферийные территории и меньшинства занимали в правовой системе, позволяет определить, в какой степени суды способствовали интеграционным процессам: интеграции окраин империи и ее центра и интеграции «других» в составе империи и остального общества. Таким образом, в данной работе очерчивается постепенная и в то же время неравномерная и неполная правовая унификация, протекавшая в условиях разнообразных динамичных

¹ Там же. Л. 15.

и территориально специфических форм правового плюрализма. Иными словами, цель этой книги — попытаться пролить свет на характер позднеимперских правовых культур, их взаимодействие, противоречия и неоднозначность, а также на их восприятие в различных слоях общества.

Это исследование сочетает в себе обсуждение права и правоприменения в позднецарской России с анализом централизованного государственного управления многокультурной империей. В нем рассматривается судебная реформа 1864 года и сформировавшаяся на ее основе правовая система как область межкультурного взаимодействия. Данное исследование содержит анализ как самого процесса внедрения современной судебной системы в Крыму и Казани — двух регионах, выделявшихся культурным разнообразием (см. карту 1), так и его последствий. Особое внимание при этом уделяется положению нерусского населения в пореформенной правовой системе, следствия которого анализируются в рамках данного исследования по двум направлениям. Во-первых, обсуждается значение правовых изменений для религиозной и национальной политики Российской империи, а во-вторых, взвешиваются вероятные преимущества использования имперского ракурса в изучении российской правовой системы и реформаторского процесса в целом.

В этой книге судебная система рассматривается с нескольких сторон. В ней обсуждаются как представления, легшие в основу новых судов, так и участники юридического процесса, сыгравшие важную роль в правовых изменениях: сенаторы, юристы и служащие правоохранительных органов. Помимо анализа по нисходящему и восходящему принципам, в этой работе используется сравнительный региональный подход. Особое внимание при этом уделяется двум регионам, что позволяет выделить сходства и различия в опыте внедрения и местном восприятии реформ. Как субъекты права в Казани и Крыму пользовались новыми судами и как суды воспринимались ими? Оба эти региона можно назвать «промежуточными территориями»: бывшими приграничными землями с исторически самостоятельным социальным, экономическим и политическим устройством, которые к середине XIX века преимущественно считались частью имперского центра. В этой книге описываются реакции местных

юристов и чиновников на новую судебную систему, а также последствия, к которым привело участие крестьян и мещан в судопроизводстве. Таким образом, правовая сфера рассматривается как пространство взаимодействия юристов, полиции и простых участников судебных процессов, в рамках которого они соприкасаются с государственной политикой и оказывают влияние на нее. Кроме того, данная работа проливает свет на взаимодействие и каналы коммуникации между местными институтами и имперским центром, предлагая этнографический подход к изучению повседневного управления в России середины — конца XIX века.

НОВЫЕ СУДЫ ДЛЯ ИМПЕРИИ

В 1860-х и 1870-х годах царь Александр II (1855–1881) принял ряд законодательных актов, которые изменили характер самодержавного правления. Наиболее важными из этих так называемых Великих реформ были крестьянская реформа (1861), освободившая крепостных крестьян, университетская реформа (1863), судебная реформа (1864), реформа местного самоуправления в сельской местности (1864) и городах (1870), а также введение всеобщей воинской повинности в рамках военной реформы (1874)¹. Так, правовые изменения были лишь одним из элементов мозаики мер, направленных на превращение империи в современного и конкурентоспособного международного игрока. При этом судебная реформа была, возможно, как утверждает Ричард Пайпс, «самой успешной из всех Великих реформ»². Несомненно, преобразование правовой системы было радикальным шагом. Российские реформаторы ввели гласные суды, устное прение сторон и независимую судебную систему, тем самым внедряя европейские правовые принципы и судебные модели. Новые процессуальные нормы и судебная система представляли собой результат избирательного заимствования и последующего тщательного переосмысления

¹ Для обсуждения отдельных реформ см.: *Russia's Great Reforms, 1855–1881* / Eds B. Eklof et al. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994.

² *Pipes R. Russia under the Old Regime*. New York: Scribner, 1974. P. 295.

правовых моделей Англии, различных германских государств и особенно Франции¹.

Судебная реформа была призвана создать простую и эффективную правовую систему, или, по словам императора Александра II, «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших»². Для этого был создан целый ряд новых институтов³. Мировые судьи, избираемые новообразованными земствами, органами местного самоуправления, были введены на уездном уровне для рассмотрения мелких споров и правонарушений. Все тяжкие преступления и гражданские споры, в которых стоимость имущества или взыскиваемого ущерба превышала 500 рублей, рассматривались так называемыми окружными судами⁴. Юрисдикция этих судов распространялась на большие территории, обычно охватывая целые губернии. Во многих уголовных делах новые суды полагались на суд присяжных.

Кроме того, были созданы судебные палаты для контроля работы окружных судов и учета растущего числа профессиональных юристов, находящихся под их юрисдикцией, то есть тех, которые могли работать адвокатами и судьями в определенном месте только после регистрации в местной палате. Эти учреждения также рассматривали дела о злоупотреблении служебным положением, преступлениях против государства и служили в качестве апелляционных судов по некоторым гражданским и уголовным делам. Каждая палата отвечала за суды и адвокатов судебного округа, который обычно охватывал несколько губерний. К середине 1880-х годов судебные палаты появились не только

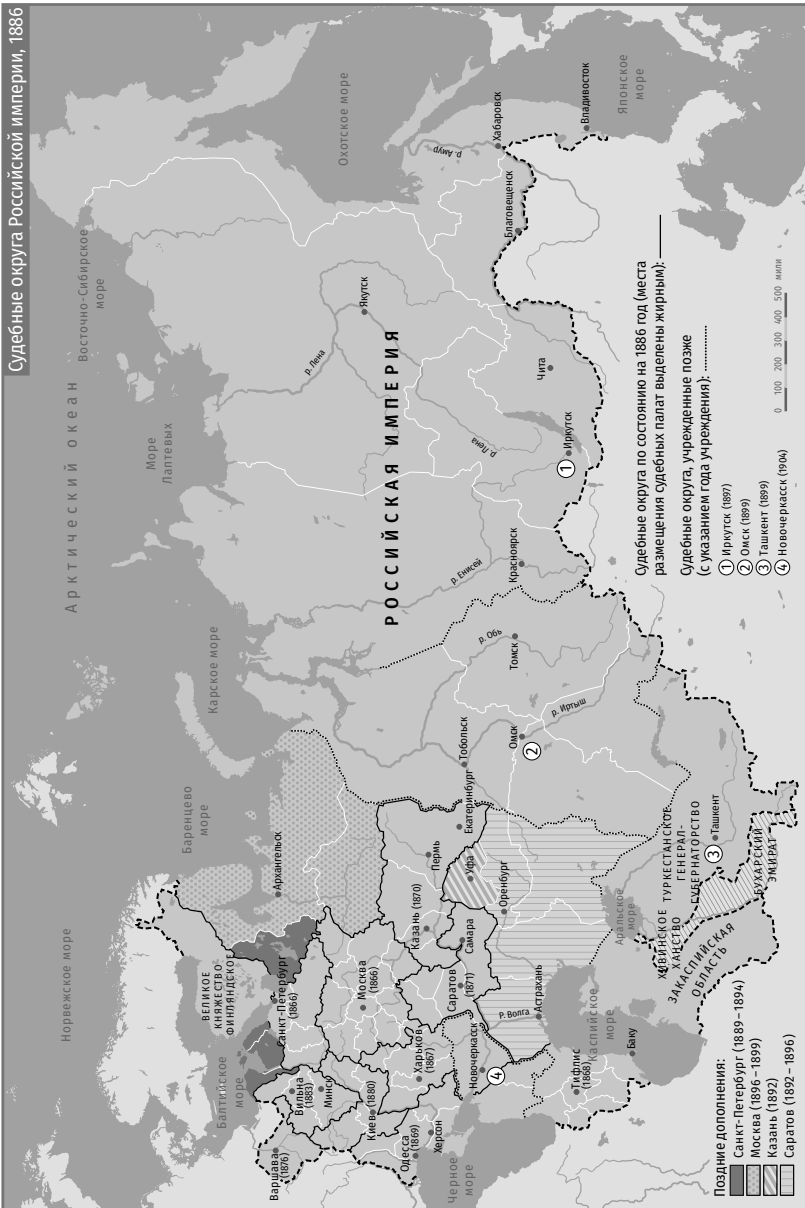
¹ О европейском влиянии на реформу см.: *Kaiser F. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917.* Leiden: BRILL, 1972. В особенности раздел об «иностранных моделях» (*ausländische Vorbilder*): S. 407–420.

² Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах // ПСЗ (изд. 2). Т. 39. Ч. 2. № 41473.

³ Подробное обсуждение новых судебных институтов представлено в: *Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars.* New York: F. A. Praeger, 1953. P. 45–50; и *Baberowski J. Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914.* Frankfurt am Main: Klostermann, 1996. S. 62–65.

⁴ См.: Устав гражданского судопроизводства // ПСЗ II. Т. 39. Ч. 2. № 41477. Ст. 29.2 и ст. 202. 20 ноября 1864 года.

Судебные округа Российской империи, 1886

Карта 2. Судебные округа Российской империи, 1886

в Санкт-Петербурге и Москве, но и в Харькове, Тифлисе, Одессе, Казани, Саратове, Варшаве, Киеве и Вильне; в последующие два десятилетия их число возросло до четырнадцати — новые палаты открылись в Иркутске, Омске, Ташкенте и Новочеркасске (см. карту 2). В то же время число окружных судов выросло с 41 в начале 1870-х годов до 98 в 1914 году.

Судебная реформа была детищем нового класса просвещенных юристов и бюрократов¹. С 1839 года незадолго до этого основанное в Санкт-Петербурге Императорское училище правоведения — пансион для подростков-дворян, предлагавший юридическую подготовку в дополнение к дворянскому образованию, а также изящные искусства, — обеспечивало государство постоянным потоком выпускников, которых стали называть «правоведами»². Вскоре это новое поколение юристов стало сомневаться в компетентности и авторитете существующего юридического сословия, чье обучение в университетах и лицеях сводилось в основном к механическому заучиванию и применению законов³. Молодые юристы считали себя полной противоположностью таких машинально работавших бюрократов. Как сказал один из них, их вдохновлял новый тип человека: «Это был великосветский юноша, который все умел, все знал, был красавец, богат, любезен, умен и блестяще образован...»⁴

Правоведы были не единственной опорой реформы. В середине XIX века в российских университетах также произошли количественные и качественные изменения. В период реформ число юридических факультетов и студентов постоянно

¹ *Wortman R. S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1976. P. 198–234, 246–269; Lincoln W. B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982.*

² О широте образования в этом учебном заведении, основанном в 1835 году, см.: *Стасов В. В. Александр Николаевич Серов. Материалы для его биографии, 1820–1871 // Русская старина. 1875. Т. 13. С. 586. О повседневной жизни в училище см.: Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Русская старина. 1881. Т. 31 (июнь). С. 247–282; а также: Т. 30 (март). С. 573–602; Т. 30 (февраль). С. 393–422; Т. 29 (декабрь). С. 1015–1042.*

³ О противостоянии между разными поколениями юристов см.: *Wortman R. S. The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 198–242.*

⁴ *Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Русская старина. 1881. Т. 30 (февраль). С. 421.*

росло, а юридическое образование постепенно превращалось из профессионального обучения в абстрактную науку. К концу 1860-х годов почти половина студентов в России получала юридическое образование, и даже в губернских судах доля высших судебных чиновников со специальным юридическим образованием за короткое время выросла примерно до 70%¹. К началу XX века в империи работало более 20 000 государственных служащих, адвокатов, прокуроров и судей².

Реформа дала новые возможности тем юристам, которые критически относились к самодержавию. Адвокаты могли выступать с критикой несовершенства правящего режима, поскольку их речи не подвергались цензуре и часто полностью печатались в прессе. Некоторые судебные процессы привлекали большие толпы. Неудивительно, что профессия адвоката вскоре стала прибежищем для политических активистов, которые использовали судебные процессы в качестве площадок для призывов против самодержавного правления. Поскольку таким образом суды приняли черты парламента, историк Йорг Баберовски даже назвал судебную реформу «первой конституцией России»³.

Однако из-за того, что многие юристы имели дворянское происхождение, они были мало заинтересованы в подрыве монархии. Продвигая идею правового государства по образцу европейских правовых систем, эти либеральные реформаторы в первую очередь призывали к большей юридической последовательности, предсказуемости и независимости. Для достижения этих целей реформа полностью отделила судебную власть от административных и правоохранительных органов империи⁴. Если при старом порядке многие судебные задачи возлагались

---

¹ Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / Ред. А. Г. Небольсин. СПб.: В. Ф. Киршбаум, 1883. С. 50; *Wortman R. S. The Development of a Russian Legal Consciousness.* P. 222, 264.

² *Kassow S. D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia.* Berkeley: University of California Press, 1989. P. 58–59.

³ *Baberowski J. Law, the Judicial System and the Legal Profession // The Cambridge History of Russia: Vol. 2 / Ed. D. Lieven.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. P. 344.

⁴ *Готье Ю. Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа. Т. 1 / Ред. Н. В. Давыдов, Н. Н. Полянский. М.: Объединение, 1915. С. 181–204.*

на полицию, чьи выводы затем подкреплялись решениями судей, а губернаторы имели право вмешиваться в судебные дела, то с 1860-х годов судебные чиновники могли действовать гораздо более независимо¹. Реформы 1770-х годов ввели отдельные суды для каждого сословия на уровне уездов и губерний; судебная реформа 1864 года, напротив, создала суды общей юрисдикции, которые, как правило, были открыты для всех. Это было значительным изменением, несмотря на то что сельское население по-прежнему полагалось на управляемые крестьянами деревенские суды для рассмотрения мелких споров и преступлений. За редким исключением, все подданные империи были равны перед законом.

Это утверждение требует некоторого пояснения. Не существует единого определения понятия «равенства перед законом», и те, кто понимает его как равные права и обязанности для каждого человека, не смогут применить его к Российской империи (или, если угодно, к любой другой империи). Имперское феодальное общество состояло из сословий, каждое из которых было наделено определенными правами и обязанностями. Доступ к образованию и государственной службе, помимо прочего, ограничивался сословной принадлежностью. Дворяне, в частности, пользовались большим количеством привилегий. Однако если равенство перед законом понимать более узко, как предлагает специалист по конституционному праву Сюзанна Бэр, «как равный доступ к правоохранительной системе и равное обращение в правовой системе»², то этот термин становится полезным для российского случая, несмотря на то что в этом равенстве все еще есть исключения и оговорки. Последние также рассматриваются в книге. Новые суды были площадками, на которых привилегии не имели большого значения. Дворянин, совершивший преступление против крестьянина, не мог

¹ *Wortman R.S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 14, 37, 81–85, 116, 162, 237, 275–276; *Mironov B., Eklof B.* A Social History of Imperial Russia. Vol. 2. Boulder, CO: Westview Press, 2000. P. 299–300; *Semukhina O.B., Reynolds K.M.* Understanding the Modern Russian Police. Boca Raton, FL: CRC Press, 2013. P. 13–15.

² *Baer S.* Equality // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / Eds M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 982–1001. В особенности: P. 1000.

рассчитывать на снисхождение со стороны судьи и присяжных. Более того, окружными судами подчеркивалось, что приговоры основываются на доказательствах и более высокий социальный статус не имеет никакого значения в зале суда. Как отметил в 1891 году журналист одной из крымских газет, просидев неделю на публичных процессах в Ялте: «Мы с удовольствием заметили, что и начальству нашему спуску не дается, а известно, что у нас начальство престоное, само спуску давать никому не любит...»¹ Многие судебные дела, рассмотренные в этой книге, подтверждают это впечатление. Это касается и гражданского права. Спор о собственности или заключенном договоре, как правило, решался на основе доказательств, а не социального положения или религиозной принадлежности участников процесса.

Этому новому ощущению равенства способствовало множество факторов, в том числе новые правила судопроизводства, а также подготовка и нравы адвокатов. Всего за несколько лет до этого император Николай I (1825–1855) выразил свою неприязнь к адвокатской профессии следующим образом: «А кто <...> погубил Францию, как не адвокаты! <...> Пока я буду царствовать — России не нужны адвокаты, без них проживем»².

К 1860-м годам эта точка зрения уже перестала быть приемлемой. Замена механического применения законов абстрактными правовыми принципами создала спрос на юристов. Этот спрос еще более усилился в связи с ростом значимости состязательного судопроизводства, в котором все стороны стали представлять адвокаты. Таким образом, судебная реформа дала толчок профессионализации права.

Предсказуемо, что новые юристы и их принципы встретили значительное сопротивление, особенно со стороны полиции и губернаторов³. Поскольку для каждого отдельного обвинения

¹ Из зала суда // Крымский вестник. 1891. № 74. 3 апр.

² Цитировано в: Колмаков Н. М. Старый суд. Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова // Русская старина. 1886. № 12. С. 536.

³ Противостояние между губернаторами и новым поколением просвещенных бюрократов проанализировано в: *Baberowski J. Vertrauen durch Anwesenheit: Vormoderne Herrschaft im späten Zarenreich // Imperiale Herrschaft in der Provinz: Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich / Hrsg. J. Baberowski et al. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2008. S. 17–37.*

теперь требовались реальные доказательства, правоохранительные органы больше не могли использовать суды для наказания всех тех, кого они считали нарушителями порядка¹. Чиновники сами могли легко стать объектом судебного преследования. В конце 1820-х годов начальник российской политической полиции все еще мог публично заявить, что «законы пишутся для подчиненных, а не для начальства»². Судебная реформа не только создала правовую инфраструктуру и процессуальные нормы, облегчавшие привлечение чиновников к ответственности, но и помогла укомплектовать суды профессионалами, которые без колебаний выносили решения против представителей власти. Превышение полномочий вдруг стало самым страшным преступлением — жаловались служащие полиции³. Такие опасения были оправданы, поскольку реформа поставила судебную власть выше правоохранительных органов и тем самым позволила простым людям привлекать их к законной ответственности за их действия.

Распространение новых судов отражало более общие закономерности развития государственного управления. Как правило, новые государственные институты сначала возникали в двух столичных регионах империи — Санкт-Петербурге и Москве, — затем появлялись в других губерниях Европейской России и, наконец, внедрялись на недавно присоединенных территориях. Такое пространственное расширение государственных институтов также способствовало постепенной интеграции бывших пограничных территорий⁴. Новые суды следовали тому же принципу. Судебные палаты были впервые созданы в двух метрополиях империи в 1866 году, откуда новые принципы и процедуры постепенно распространились во всех направлениях⁵.

¹ Для обсуждения дореформенных судов и судопроизводства см.: *Kaiser F. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. S. 14–15, 238–244; LeDonne J. P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. New York: Oxford University Press, 1991. P. 181–199; Schmidt C. Sozialkontrolle in Moskau: Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft, 1649–1785. Stuttgart: F. Steiner, 1996. S. 338–380.*

² Прочитано в: *Pipes R. Russia under the Old Regime. P. 290.*

³ Переписка К. П. Победоносцева с преосвященным Никанором епископом Уфимским // Русский архив. 1915. № 4. С. 92.

⁴ *Becker S. Russia and the Concept of Empire // Ab imperio. 2000. № 3. P. 340–341.*

⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 42. Л. 340, 358.